

УДК 340.121

*К.А. Туганов***ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Рассматриваются естественно-правовые воззрения в контексте теологических доктрин в исторической ретроспективе и современности. Посредством синхронного и диахронного анализа исследуются события, бытийные и идеологические предпосылки христианского понимания естественного права, рассматриваются интерпретации естественного права раннего и позднего Средневековья, исследуются современные идеи «возрожденного» естественного права. В статье приводятся научные и метафизические аргументы в пользу теологического естественно-правового правопонимания. Методология исследования не ограничивается материалистическим пониманием историко-культурных и социальных процессов, позитивистским и марксистским критерием истинности. В основе статьи лежат современные методологические установки, обуславливающие необходимость включения субъекта и субъективности в процесс познания, «принципа доверия познающему субъекту», эпистемологического релятивизма, принципа «историзма». Проводится сравнительный анализ естественно-правовых воззрений в контексте философии томизма (неотомизма) и протестантизма (непротестантизма), а также разграничение указанных подходов к пониманию естественного права с иными типами правопонимания.

Ключевые слова: естественное право, права человека, теология, томизм, неотомизм, теоцентризм, догматизм, Бог, Священное Писание, Библия, Вечный закон, Естественный закон, Аврелий Августин Блаженный, патристика, Фома Аквинский, схоластика, рационализм, Жак Маритен, Йоханнес Месснер.

Теологические интерпретации естественного права сегодня не получают должного освещения в теоретической юриспруденции. Причины этого нередко кроются в критическом отношении к религиозным догматам и в целом к теологии со стороны науки. При этом основанием такой критики часто становится ссылка на невозможность верификации метафизических начал естественного права, онтологический пафос которых возводится к «божественному разуму».

Традиция обожествления права восходит к античной эпохе. В трудах мыслителей античности в различных формах была представлена идея о выводимости права из «божественного закона». Наиболее ярко она проявляется у философов классической греческой философии (Сократа, Платона), а в более поздний период у римских юристов (Институции Гая, II в. н.э.). Однако в средневековую эпоху в контексте христианской теологии сложилось несколько иное понимание естественного права.

Средневековье в глазах современного человека выглядит как эпоха мрака, религиозно-догматического педантизма, отсутствия свободы мысли и слова, бедности и аскетизма, отрешенности человека от мира земного в надежде прожить этот промежуточный этап в ожидании конечной цели – Града Божьего. Ф. Энгельс (1820–1895), говоря о Европе в период Средних веков, писал: «Средневековье развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов»¹. При этом многими исследователями нередко игнорируется тот факт, что переход к феодальному строю и сопутствующий ему процесс христианизации постантичного мира послужил основой для формирования новых идеологических и нравственных ориентиров. Во всяком случае, К. Маркс (1818–1883) в работе «К критике политической экономии» (1859 г.) считал феодальную формацию более высоким этапом общественно-политического и историко-культурного развития в сравнении с рабовладельческим строем в античном полисе. Примечательно также, что христианская этика обратила взор на равенство всех людей перед Богом, положила конец мифологическому мышлению и непреодолимому многообразию взглядов на природу, мир и человека.

Философия средневекового мышления развивалась в рамках **теологии** (от греч. *theos logos* – учение о Боге, богословие) – учения в форме доктрины о Боге, его сущности и действиях, рассуждений и доказательств истинности вероучения, обоснования верности содержания и способов культо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 360.

вых действий, норм и правил жизни². Можно выделить два философско-методологических принципа построения в средневековой западноевропейской теологии: **онтологический теоцентризм**, признававший высшей реальностью, причиной всего сущего единого Бога-творца, и **гносеологический догматизм**, сводивший мышление к исследованию и герменевтической интерпретации истин, не нуждающихся в доказательствах, дедуктивно выводимых из текста Священного Писания.

Общей чертой теологических интерпретаций естественного права является религиозно-догматическая предустановка о выводимости естественного права из **трансцендентных** (от лат. *transcendens* – выходящий за пределы) первоначал на основе Священного Писания. Бог поставлен за пределы Природы, человеческого разума и опыта. В эпоху Нового времени данное разделение было преодолено посредством концепции тождества бытия Бога Природе (прежде всего, в пантеистической философии Б. Спинозы (1632–1677) «Deus sive Natura» – «Бог есть природа»). Однако данные воззрения не могут рассматриваться в качестве теологических, поскольку в них Бог понимается в качестве **имманентной** (от лат. *immanens* – находящийся внутри, в пределах) природе субстанции либо вовсе отождествляется с ней. Естественное право как право божественное в контексте теологических трансцендентальных доктрин понимается в качестве «пред-установленного», «пред-данного», заложенного в человеке Богом в результате акта креации (от лат. *creatio* – творение, созидание), в своей сущности противопоставляемое праву волеустановленному, зависящему от воли (или произвола) законодателя.

Одной из центральных фигур философии Средневековья считается Аврелий Августин Блаженный (354–430) – христианский философ и теолог, родоначальник **патристики** (от лат. *pater* – отец) – первого этапа средневековой философии. Патристика основывалась на идее созерцания мира и космоса, слепого следования догматам Библии. Среди всех теологических произведений Св. Августина выделяют два труда: «О граде Божьем» и «Исповедь». Августин, проникнувшись идеями постсократической античной философии, в «Исповеди» повествует о том, что именно чтение трудов Платона привело его к вере в единого Бога, а в основе своей философии он полагается на платоновскую концепцию души³. Современные исследователи полагают, что истолкования теологических положений философии Августина И.Д. Скотом (1270–1308) и У. Оккамом (1288–1349) положили начало пониманию естественного права как божественной воли (волюнтаристское направление)⁴. При этом снижается роль рационалистического познания «природного права» перед авторитетом Священного Писания. Поскольку большинство людей, по Августину, грешны и далеки от Бога, постольку все знания и представления о божественном, полученные посредством разума, а не веры в содержание Библии, признаются ложными, порочными и недостоверными.

Следует обратить внимание на тот факт, что перед теологами сама эпоха и, прежде всего, общественно-политический строй поставили серьезную задачу: обосновать существующее в обществе классовое неравенство, входящее в противоречие с равенством всех людей перед Богом. Дело в том, что неизбежным следствием и пережитком сословного деления в период феодализма было рабство. По мнению Августина, рабство – не преходящее явление, которое терпят временно, чтобы не затевать смуты, а постоянное, ибо оно стало естественным вследствие испорченности человеческой природы. Рабство будет существовать, пока существует земное человеческое общество. Только в Божественном царстве не будет рабства.

Важнейшую роль в систематизации, теоретическом осмыслении и обобщении идей естественного права в эпоху Средневековья сыграли схоласты.

Схоластика (от лат. *scholastica* – школьные диспуты) – это следующий за патристикой этап философии, главной целью которого было рационалистическое обоснование христианского вероучения. Схоласты, опираясь на латинский перевод учения Аристотеля, осуществленный философом и государственным деятелем Боэцием (1230–1284), напротив, выступали за познание божественного откровения посредством разума, умознания и логики. Ансельм Кентерберийский (1033–1109), которого называют одним из отцов схоластики, считал сформулированную Тертуллианом (155/165 – 220/240) максимуму *Credo quia absurdum est* («Верую, ибо абсурдно») устаревшей, а в вопросе соотношения веры и знания необходимо придерживаться принципа «Верю, чтобы понимать!».

² Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 577.

³ Августин А. Антология мировой философии. Т. 1. М., 1971. С. 600.

⁴ Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988. С. 36–37.

Вершиной схоластической философии современные ученые единодушно признают доктрину доминиканского монаха Св. Фомы Аквинского (1225–1274), представляющую собой наиболее логически завершенный вариант концепции естественного права с точки зрения христианской теологии. По сей день в контексте его учения получают свое развитие теологические концепции естественного права. Томизм (или фомизм от лат. *Thomas* – Фома) – основное направление в католической философской мысли, получающее сегодня развитие в трудах современных мыслителей. Философско-методологической основой томизма является схоластический метод, основанный на конвергенции догматов Библии с философской системой Аристотеля.

Для правовой мысли значение имеет фундаментальный труд мыслителя «Сумма теологии», по форме состоящий из вопросов, ответов и опровержений, приводимых самим Фомой в целях доказательства предъявляемых тезисов. Особый интерес здесь представляет «Трактат о законе», содержащийся во второй части «Суммы теологии» (вопросы 90-108). Фома проводит разграничение между различными видами законов (вопрос 91), формулируя следующие проблемы:

1. Существует ли вечный закон?
2. Присутствует ли в нас естественный закон?
3. Существует ли человеческий закон?
4. Существует ли необходимость в божественном законе?
5. Существует ли только один божественный закон?
6. Существует ли закон для скверны греха?⁵

Таким образом, Фома Аквинский выделяет четыре вида законов: **вечный закон, естественный закон, человеческий закон и божественный закон.**

Вечный закон выражает божественный разум, цель мироздания. Фома убежден, что Бог вечен и закон Божий подобен ему самому.

Естественный закон – это своего рода непосредственное выражение вечного в мире сотворенном. Современный исследователь естественного права Дж. Финнис считает, что из содержания религиозного трактата Аквината читается определение естественного права (закона) как *participatio legis aeternae in rationali creatura*, что означает «участие вечного закона в разумной твари»⁶. Человеческий закон, в отличие от естественного, принимается людьми, однако он должен быть своего рода проекцией естественного: «Всякий человеческий закон правосуден настолько, насколько он, происходя из естественного закона, носит характер естественного закона. Но если он в каждой своей части является отклонением от естественного закона, то он уже не закон, а извращение закона»⁷. Определяющей целью любого закона Фома Аквинский считал общую пользу: «Закон должен быть добродетельным, справедливым, осуществимым по природе... созданным не для чьей-либо частной выгоды, но ради общей пользы»⁸. Аквинат здесь апеллирует к Исидору Севильскому, по мнению которого закон есть то, что основано на разуме при условии благоприятственного отношения к религии, полезности для порядка и способствования общему благу. Определенные философские симпатии испытывает Фома по отношению к воззрениям Марка Туллия Цицерона, считавшего справедливость высшей добродетелью. Божественный закон, по мнению Аквинского, является ориентиром, данным человеку Богом, на пути к сверхъестественной цели: «Естественный закон, – утверждает Фома, – причастен вечному закону адекватно способности человеческой природы. Но к своей сверхъестественной цели человек должен определяться куда более возвышенным способом. Поэтому для того, чтобы человек стал причастным вечному закону более совершенно, Бог дополнительно даровал нам божественный закон»⁹.

Серьезным шагом в теологическом понимании сущности естественного права стала осуществленная Фомой попытка рационализации его метафизических оснований. Русско-французский мыслитель Г.Д. Гурвич (1894-1965) справедливо заметил, что «у Фомы Аквинского обозначается первая после возникновения христианства попытка секуляризации, хотя бы частичной, естественного права»¹⁰.

⁵ См.: Аквинский Ф. Сумма теологии (Трактат о законе). Киев: Ника-центр, 2010. С. 11-24.

⁶ Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. М.: ИРИСЭН, Мысль. Серия «Право», 2012. С. 488-489.

⁷ Аквинский Ф. Указ. соч. С. 61.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ Аквинский Ф. Там же. С. 19.

¹⁰ Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Изд. дом СПб. гос. ун-та, 2004. С. 301.

Доктрина томизма нередко подвергалась и подвергается критике не только в силу противоречия научной картине мира и необоснованности ряда теологических аргументов¹¹, но и с позиции философии, сравнивающей логику томизма с парадоксом «слепого стрелка»¹². В частности, знаменитый философ современности Б. Рассел (1872–1970) замечает, что «прежде, чем Аквинский начинает философствовать, он заранее знает истину... В случае, когда ему удастся найти убедительные рациональные аргументы для тех или иных частей вероучения – тем лучше; если же не удастся – ему нужно лишь вернуться к Откровению... Это не философия, а система предвзятой аргументации»¹³. Тем не менее не подлежит сомнению тот факт, что большая заслуга Фомы Аквинского и его учения состоит в разработке последовательного и глубокого христианско-теологического варианта естественно-правового правопонимания. Его философско-правовые взгляды оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие томистских и неотомистских концепций естественного права.

Разложение феодальных отношений и сословного строя в эпоху Нового времени, появление рыночных отношений детерминировали новую моральную и философскую этику. Поворот от догматического теизма к гуманизму и натурфилософии, а позже и к персоноцентризму – эти и многие другие факторы оказали разрушительное воздействие на доктрину томизма. Учение Фомы Аквинского в период буржуазно-классовых отношений снискало себе статус бесполезного, чересчур умозрительного и ненаучного. Теории естественного права XVII–XIX вв., позитивистские концепции XIX–XX вв. заложили новые методологические основы в вопросах исследования сущности права. В XIX в. теологии и метафизике был нанесен существенный урон со стороны позитивизма, диалектического материализма, идей прагматизма и дарвинизма. В итоге, теологические интерпретации естественного права потерпели поражение в борьбе за «истину», в том числе правовую.

Интерес к концепциям естественного права возродился после Второй мировой войны, в период крупнейшей гуманитарной катастрофы за всю историю человечества. Теперь проблема состояла не в «суде» над правом, но в «суде» над целыми правовыми системами, порожденными идеологией фашизма. Позитивистская доктрина правопонимания была неспособна предъявить критерии для оценки законодательства Германии эпохи Третьего рейха. Формально-юридический подход, признающий в качестве права любой принятый государством нормативно-правовой акт, позволял в подобном случае считать правом любой антигуманный закон нацистского режима.

Пробудившийся в юридической науке и философии интерес к естественно-правовым воззрениям в середине XX в. ознаменовал начало реставрации, или идеи «возрожденного» естественного права. Несмотря на то что естественное право никогда не «умирало» и развивалось в рамках буржуазной философии Нового времени, в этот период уже можно было говорить о теоретическом осмыслении томистских и протестантских правовых воззрений. В период «возрождения» идеи естественного права одним из ведущих направлений стал неотомизм – существенно обновленный вариант рационалистического теологического учения Ф. Аквинского, а также неопротестантизм, восходящий к фундаментализму Св. Августина и положению о воле Бога, отраженной в Священном Писании. Особенно велик вклад в развитие современной теологической концепции правопонимания австрийского богослова Й. Месснера (1891–1984), французского религиозного мыслителя, одного из авторов проекта Всеобщей декларации прав человека Ж. Маритена (1882–1973), австрийского теолога А. Ауэра (1915–2005), неопротестанта и идеолога христианского анархиста Ж. Эллюля (1912–1994) и др.¹⁴.

Методологическим основанием неотомизма, как и томизма, остается трансцендентальный объективно-идеалистический подход, восходящий к идее христианского креационизма – сотворенности человеческого бытия и производности человеческих законов от законов «вечных». Особенность неотомизма состоит в том, что многие принципы томизма были либо отброшены, либо вынесены за скобки в учениях большинства современных мыслителей-теологов, поскольку религиозный уклад общественной жизни был в значительной степени притеснен светской этикой.

¹¹ Пракаш С.С. Юриспруденция. Философия права / пер. с англ. В.М. Ашмарина. М.: Изд. центр «Академия», 1996. С. 79-93; Докинз Р. Бог как иллюзия («Доказательства» Фомы Аквинского) / пер. с англ. Н. Смелковой. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012. С. 112-116.

¹² Содержание парадокса сводится к следующему: стрелок, выстреливший из лука, попадает в стену и только после этого рисует вокруг вонзившегося наконечника стрелы мишень, заявляя, что попал в цель.

¹³ Рассел Б. История западной философии. М.: Академический Проект, 2009. С. 562.

¹⁴ См.: Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988. С. 37-50.

В 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека, одним из авторов которой являлся философ-неотомист Ж. Маритен. Этот международный документ должен был стать реально действующим «интернациональным законом», причем не только в христианском мире, но и в иных правовых системах мира. Ж. Маритен, мотивируя к универсализму в подходе к тексту Декларации, заметил, что «люди, противостоящие друг другу по своим теоретическим воззрениям, могут прийти к практическому согласию относительно перечня прав человека»¹⁵. Философ рассматривает некоторые гносеологические проблемы, возникающие в процессе познания естественного права. Ж. Маритен убежден, что абстрактность данного понятия приводит к множеству различных интерпретаций естественного права. С другой стороны, теологом отмечается невозможность сведения естественного права к строгой иерархии норм. Любая, даже официальная интерпретация – лишь одна из возможных, поскольку естественное право заложено «само в себе», берет истоки в «вечном законе», поэтому в процессе познания любая попытка рационализации и нормативизации обречена стать лишь частным вариантом репрезентации идеи естественного права. В данном контексте возникает агностический парадокс, связанный с невозможностью познания естественного права и приближения к «абсолютной истине» «вечного закона» посредством частных репрезентаций и интерпретаций. Маритен предлагает решить эту дилемму исходя из того, что человек есть существо разумное, являющееся синтезом духовного и телесного. Дуализм вечного божественного и земного человеческого естества обусловлен сочетанием идеального и материального в единстве. Центральным и связующим звеном здесь является цель существования человека. «Это означает, – пишет Маритен, – что именно благодаря человеческой природе существует определенный порядок или последовательность, которые способны открыть человеческий разум и в соответствии с которыми человеческая воля должна действовать, дабы привести себя в соответствие с сущностными и необходимыми целями человеческого бытия. Это и есть не что иное, как неписанный закон, или естественное право»¹⁶. Рассуждая о цели существования человека, философ выводит ее из сущности человека, которой свойственен порядок. Однако его утверждение, что раз жизнь имеет какую-то цель, то мы должны признать существование естественного права, представляется нам логически несостоятельным.

Телеологическую (целеполагающую) интерпретацию естественного права также развивал австрийский теолог Й. Месснер, согласно позиции которого мерило социального порядка заложено в самом человеке: собственная природа влечений подсказывает ему, в каких ценностях воплощается подлинное человеческое существование, а сила разума побуждает его к ценностному познанию. Месснер значительно дополняет идеи Маритена, соотнося естественное право человека с присущими его натуре потребностями: в жилище, в одежде, в личной неприкосновенности, в собственности и в др. Границей правовых притязаний Месснер считал «естественную совесть», что, на наш взгляд, сближает месснеровскую естественно-правовую теорию с экзистенциально-феноменологической, однако здесь понятие совести как «естественного фильтра» для правовых поступков выводится не посредством апеллирования к иррациональным мотивам и переживаниям субъекта, но из телеологических начал. В.С. Нерсесянц в этой связи отмечает, что содержательная сторона доктрины Месснера выражается мыслителем посредством «экзистенциальной цели», на которой строится естественно-правовая конструкция. Важно отметить, что «экзистенция» (существование) в неотомистской доктрине Месснера не рассматривается в отрыве от «эссенции» (сущность) и не противопоставляется ей. Напротив, существование, земное бытие человека – не стихийный процесс, устремленный в «ни-что», но процесс реализации личностью божественного замысла, реализация в процессе жизнедеятельности божественного плана, воплощение вечного закона в естестве. Критерием демаркации указанной доктрины от экзистенциально-феноменологической также следует признать рефлексирующую гносеологическую роль субъекта. В экзистенциальных естественно-правовых интерпретациях субъектом правовой рефлексии руководят иррациональные мотивы, личные переживания в условиях «пограничных ситуаций»¹⁷. Что касается теологических интерпретаций, то еще Фома Аквинский признал за разумом руководящую роль в понимании сущности естественного права. В современных теологических теориях также значится понятие руководящей цели как своеобразного свидетельства в пользу естественного права.

¹⁵ Маритен Ж. Человек и государство. М: Идея-Пресс, 2000. С. 75.

¹⁶ Маритен Ж. Указ. соч. С. 83.

¹⁷ См.: Туганаев К.А. Экзистенциализм как философско-методологическое основание естественно-правовых концепций // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2014. Вып. 3. С. 204-208.

Несколько иначе интерпретирует естественное право доктрина неопротестантизма (Х. Домбоис, Э. Вольф, Ф. Хорст), основанная на евангелистской этике. По традиции, восходящей к Св. Августину, сторонники данного направления в теологии оперируют непосредственно к воле Бога, постигаемой посредством веры. Естественное право при этом дедуктивно выводится из библейских текстов. Толкование некоторых заповедей производится дословно, подобно интерпретации конституционного акта. Характерной особенностью неопротестантских концепций естественного права является отсутствие дуализма божественного и естественного порядка. Человеческое естество напрямую связано с Богом, поэтому для выражения естественного права не требуется какого-либо земного или телесного опосредования. Процесс формирования общества происходит не в соответствии с законами социума, но в соответствии с божественным планом. В связи с этим единственно значимым законом признается Священное Писание, остальные же нормативные акты – лишь акты толкования Библии (в концепции А. Ауэра – судебно-административные правоприменительные решения). С Ауэром солидарен Ф. Хорст, полагающий, что Ветхий Завет – это не что иное, как государственная конституция. Эпистемологический интерес среди неопротестантских доктрин, дискредитирующих человеческий разум и любую попытку рационализации как отход от истинного смысла Библии, представляют лишь некоторые естественно-правовые теории. Например, Э. Вольф выводит из заповеди «о любви к ближнему своему» «право ближнего».

Неопротестантские концепции, в отличие от неотомистских, нивелируют роль познавательных способностей человека. Приоритет веры над разумом и религиозный фундаментализм в значительной степени умаляет либо даже исключает гносеологические возможности субъекта познания, а также любого рода рефлексии в отношении развиваемых протестантами концепций.

Современная теоретическая юриспруденция воспринимает указанные теории либо строго критически, либо вовсе отказывается признавать теологические модели естественного права в качестве научных доктрин, ориентируясь на позитивистский критерий К. Поппера либо на марксистские принципы демаркации научного и ненаучного знания. Некоторые исследователи ошибочно полагают, что теологическая теория права построена на одной лишь вере¹⁸. Указанное замечание уместно в отношении далеко не всех религиозных правовых доктрин, а лишь в отношении волюнтаристских, где рациональность рассматривается как отход от первоначального смысла, измена вере и отход от истины (в концепции Августина и его последователей). Тем не менее доктрина томизма настаивает на разграничении вопросов веры и знания, которые, однако, одновременно участвуют в процессе познания и способны лишь в своем единстве дать истинное знание. К примеру, Фома Аквинский был убежден, что разумом можно познать факт существования Бога, его единство, однако разуму не поддаются проблемы создания мира за шесть дней, вопрос о непорочном зачатии и первородном грехе – все это постигается посредством веры. Примечательно, что Аквинат признал проблему познания сущности права прерогативой разума.

Теологические концепции «вечного» права не следует признавать бессмысленными, поскольку они сыграли решающую роль в эпоху Средневековья: религиозная вера была утешением и ориентиром для общества, осознающего бренность повседневной жизни. Земная жизнь считалась лишь ступенью, промежуточным этапом по отношению к вечной жизни после смерти человеческого тела. Теология сформулировала на основе Библии новые нравственные ориентиры, способствовала сплочению средневекового социума посредством единой монотеистической религии.

Сегодня важно признать тот факт, что применение критерия истинности или критерия полезности научного знания (как это было принято делать в эпоху модерна) по отношению к религиозным догматам и теориям права средневековой эпохи весьма некорректно, в особенности в сфере гуманитарного знания. Наукоцентризм эпохи модерна, определивший ориентир науки на производственную практику либо на требование инструментальной полезности знания, поставил под сомнение теологию и метафизику, в контексте которых в течение долгого времени развивались представления о праве. Необходимо, во-первых, подходить с позиции смысла этого знания, то есть учитывать первоначальный смысл, заложенный автором текста (Священного Писания, доктрины или закона), во-вторых, следует исходить из принципа доверия познающему субъекту, который основан на следующих априорных требованиях: учет исторической конкретности субъекта познания, отношение к нему как ответственно поступающему в получении истинного знания и в преодолении заблуждений¹⁹.

¹⁸ Малько А.В. Теория государства и права. М.: Кнорус, 2011. С. 24-25.

¹⁹ Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 38.

Исследователи проблем эпистемологии замечают, что «слепое» применение оценочных критериев современной науки к исторически более ранним «картинам мира» не способно учесть многих социокультурных факторов развития науки и философии прошлого, в частности, целей, которые ставит перед собой мысль конкретной исторической эпохи, особенностей быта, идеалов и принципов. Немецкий мыслитель М. Хайдеггер по этому поводу справедливо заметил, что «употребляя сегодня слово “наука”, мы имеем в виду нечто в принципе иное, чем *doctrina*²⁰ и *scientia*²¹ Средневековья или *ἐπιστήμη*²² греков. Греческая наука никогда не была точной именно потому, что по своему существу не могла быть точной и не нуждалась в том, чтобы быть точной. Поэтому не имеет смысла говорить, что современная наука точнее античной или средневековой»²³. Продолжая мысль знаменитого философа, следует также признать погрешность любой предвзятой оценки теологии Средневековья сквозь призму современной эпохи. Важно видеть в архаических воззрениях на явления и процессы (в том числе, на право) связующее звено, знаки и ориентиры для настоящего и будущего. «Именно реабилитация памяти есть важнейшее условие спасения человечества с губительного пути. Ведь только помня каждый шаг на историческом пути, мы в состоянии увидеть и те точки выбора, точки бифуркации, развилки, которые были оставлены позади, которые не были выбраны. Мы можем включить скрытые возможности истории. Чтобы человек имел будущее, он должен иметь настоящее и прошлое... Если прошлое забыто, это явный признак того, что нет выбора в настоящем...»²⁴. Опираясь на опыт прошлого, теоретико-правовой науке, на наш взгляд, следует внимательно и непредвзято анализировать вопросы преемственности знаний и представлений о праве, извлекать из них уроки для настоящего и будущего, стремиться не к разрушению, но к созиданию, сохранению и переосмыслению.

Поступила в редакцию 21.04.15

К.А. Tuganaev

THEOLOGICAL INTERPRETATION OF NATURAL LAW: PAST AND PRESENT

The article reviews natural law concepts in the context of theological doctrines in historical retrospect and modernity. Using synchronous and diachronous methods, the author analyzes events, existential and ideological premises of religious natural law concepts, discusses the concept of natural law in the early and late Middle Ages, and explores the modern doctrines of the «rebirth» of natural law. The paper presents the rational and metaphysical arguments in favor of the theological understanding of law. Research methodology is not limited to the materialistic conception of historical, cultural and social processes, the positivist and Marxist criterion of truth. This article is based on modern methodological attitudes that contribute to the need to include the subject and subjectivity in the process of cognition, «the principle of confidence in knowing subject», epistemological relativism, the principle of «historicism». System analysis of natural law concepts is held in the context of the philosophy of Thomism (neo-Thomism) and Protestantism (neo-Protestantism), and the distinction of these typologies of law with other concepts of law.

Keywords: natural law, human rights, theology, Thomism, neo-Thomism, theocentrism, dogmatism, God, the Holy Scriptures, the Bible, the eternal law, natural law, Aurelius Augustine, patristics, St. Thomas Aquinas, scholasticism, rationalism, Jacques Maritain, Johannes Messner.

Туганаев Кирилл Александрович, аспирант
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: k.tuganaev@gmail.com

Tuganaev K.A., postgraduate student
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/4
E-mail: k.tuganaev@gmail.com

²⁰ *doctrina* (от лат. – учение).

²¹ *scientia* (от лат. – наука).

²² *ἐπιστήμη* (от греч. – знание).

²³ Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления (Время картины мира)* / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 42.

²⁴ Хайдеггер М. *Что зовется мышлением?* / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Академический Проект, 2007. С. 20-21.